

ЭСТАФЕТА

Фантастический рассказ

Гонки предстояли грандиозные. Сто тридцать пять участников со всех обжитых планет — самые прославленные яхтсмены! Моя «Меропа», конечно, чудесное суденышко, но... Если попаду в первую двадцатку — это можно считать успехом. Хотя, конечно, замыслы у меня были более честолюбивые...

Мне оставалось разработать тактику заключительного этапа — на подходе к крайней планете системы Ринуса. Я потянулся к панели, собираясь включить компьютер, и вдруг почувствовал затылком чей-то взгляд. Что за ерунда? Я был один на одноместном кораблике, пришвартованном к автоматической орбитальной станции.

Я резко крутанулся в кресле.

В дверях рубки стоял человек лет сорока. Почти на голову выше меня, довольно худой, с упрямо выпирающим подбородком и насмешливой складкой у рта.

— Я не помешаю. — Интонация была совсем не вопросительная. Незнакомец словно утверждал свое право находиться здесь.

— Черт возьми! — Уверен, что у других на моем месте с языка сорвались бы словечки покрепче. — Что вы тут делаете?

Он шагнул в рубку, не спеша огляделся и уселся на черный куб генератора искусственной гравитации.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Может, вы все-таки представитесь? — Меня неприятно задело обращение на «ты». Пусть я намного моложе, это не дает права на фамильярность!

— Обязательно. — Моя холодность ничуть не смутила гостя. — Освальд Маркин. Бывший пилот с «Альфавета». Слышал о таком корабле?

— С «Альфавета»? — Наверное, у меня отвисла челюсть. Тайна Линды сама плыла в руки! О такой удаче можно было только мечтать!

*...я как-то упустил из виду,
что любое человеческое общество,
даже такое крошечное,
как экипаж корабля,*

*подчиняется
своим законам
и правилам.
И один из этих законов,
едва ли не самый
древний
и неистребимый, —
закон
отторжения
чужаков.*

Линду открыл лет десять назад в созвездии Рыси автоматический разведчик. Я был тогда мальчишкой, но хорошо помню, какой шум поднялся, когда разведчик сообщил по гиперканалу, что на планете обнаружена жизнь. Затем связь прервалась. Насовсем.

Исследовательский звездолет «Альфагет» стартовал к Линде спустя полгода, но вернулся на Землю гораздо раньше ожидаемого срока. Было опубликовано несколько путаных отчетов, из которых никто ничего не понял. А вскоре все упоминания о Линде разом исчезли — как будто ее не было. Многие тогда пытались угадать, что произошло на загадочной планете.

— Так вы тоже были в экспедиции? Той самой?..

— Был, — ответил Маркин. — Перед тобой единственный человек, побывавший на Линде.

Я чуть не подпрыгнул.

— Слушайте, ведь это же здорово! Ну так, сейчас мой киберповар сварит кофе, и побеседуем! Идет?

— Кофе — это хорошо... Только знаешь что? Не ощущаю привычной обстановки. Давай рванем в космос?

— Что? — Выдав заказ бортовому кулинару, я с недоумением уставился на гостя. Только сейчас мне бросилось в глаза, что одет он, мягко говоря, странно. На нем был переливающийся молодежный комбинезон, на ногах красовались сверхмодные золотистые ботинки на пенолироновой подошве. Создавалось впечатление, что космический волк второпях натянул то, что оказалось под рукой.

«Чудак какой-то, — подумал я. — Бывший пилот... Наверно, врачи запретили летать. Бродит теперь по скверикам Ринуса-Два, а ночами тоскливо смотрит на звезды. А тут стало известно о регате. И сразу — мысль: уговорить какого-нибудь юнца совершить незапланированный полет, чтобы вдохнуть аромат космоса... Логично? Пожалуй».

— Значит, вы пробрались сюда, чтобы полетать?

Маркин мягко подтянул ноги вверх и обхватил руками колени. Чего-чего, а нескладности, свойственной высоким худым людям, в нем не было и в помине.

— Вот именно, пробрался... Пришлось даже прибегнуть к этому маскарладу. — Он с отвращением оглядел свой щегольской комбинезон. Я понял, что воображе-

ние, нарисовавшее образ рассеянного чудака, подвело меня. — Несolidно, конечно, в моем возрасте, но выхода не было.

Маркин внезапно пружинисто соскочил на пол и очутился прямо перед моим креслом.

— Хочешь слетать на Линду?

Я оторопел.

— Ну и шуточки у вас...

— Я не шучу. — Он нависал надо мной, и мне хотелось отодвинуть его куда-нибудь. Терпеть не могу, когда на меня смотрят сверху вниз.

— Ты же не думаешь, — продолжал Маркин, — что я забрался сюда, чтобы всплакнуть о звездном прошлом? Мне нужно на Линду. Обязательно нужно на Линду.

Нет, он определенно не укладывался в схему, которую я сочинил. Это был цельный человек, не раздвоенный на «до» и «после». У него была задача, и он собирался во что бы то ни стало решить ее. Я понял, что мне придется отбиваться.

— Туда никто не летал со времени вашей экспедиции, — сказал я. — Думаю, Линда вообще под запретом.

Он кивнул:

— Мне это известно. Дальше.

— Во-вторых, у меня яхта, а не звездолет.

Маркин демонстративно вздохнул.

— Яхта такого класса способна совершить два гиперперехода по три с половиной парсека. Достаточно, чтобы слетать на Линду и обратно. Координаты солнца Линды у меня с собой. Может, затрудняешься составить программу для ГК? Могу взять это на себя. Хочешь?

Мои уши запылали.

— Зачем же утруждать себя? — Я постарался вложить в свои слова максимум едкости. — Уж как-нибудь справлюсь. Кстати, вы не могли бы вернуться на прежнее место? Мне надоело задирать голову.

Я думал, что уязвленный Маркин постарается поддеть меня, но он просто вернулся на куб.

— Значит, ты согласен?

В рубке повисла тишина — какая-то необыкновенная, осязаемая. Ее, казалось, можно было мять пальцами. Я понял, что Маркин меня поймал.

— Завтра же регата! — Это был мой последний козырь.

— Регата? — Маркин фыркнул. — Да ты и думать о ней забудешь после нашей одиссеи! Кстати, — он принялся, — кофе готов. Хлебнем перед дорогой?

Мягкий толчок — и яхта отделилась от ажурного диска станции.

Диспетчер на Ринусе-Два дал «добро» на тренировочный полет. Знал бы он, что это за полет... Мне теперь, конечно, не выкрутиться. Плакала регата! Да что регата! Могут дисквалифицировать лет на пять...

— Не вешай нос! — услышал я бодрый голос Маркина. — Не ты ли полчаса назад сгорал от любопытства, желая узнать, что со мной приключилось на Линде? Вот и слушай. Чтобы не задеть станцию выбросом гиперполя, нам еще часа полтора придется лететь на обычной тяге. Как раз уложусь. Готов слушать?

— Готов, — нейтрально ответил я.

— Что ж, приступим. Итак, я был тем самым пилотом, которого капитан «Альфагета» отправил на катере для первого знакомства с Линдой. Проходило оно трудновато: у атмосферы оказался дьявольски сложный состав, и всю поверхность планеты затягивал мощный облачный слой. Катер пришлось сажать вслепую.

Видимость была шагов на десять, не больше. Лучи красного карлика, солнца Линды, с трудом пробивались сквозь облака, и все вокруг было багровым. Из-под ног вдруг поползли клубы густого бурого дыма. Они поднимались все выше, а когда полностью пропала видимость, я почувствовал, что меня кто-то ощупывает. Потом огромные невидимые лапы сцапали меня и стали вертеть, как забавную игрушку. Помню, мелькнула мысль: сейчас сверхпрочный скафандр лопнет, и я вывалюсь в пасть, утыканную метровыми зубами...

Когда туман растаял, мне открылось потрясающее зрелище. Подвешенный в силовом коконе, я находился в центре фантастического мира. Меня окружали светящиеся голубые деревья. Их ветви шевелились, стволы опоясывали пульсирующие жилки, ветви то сокращались, то вытягивались, касаясь земли, точнее стекло-видной массы с дымчатыми разводами в глубине.

Маркин замолчал, словно припоминая. Я ошарашенно уставился на него: кто бы подумал, что бесцеремонный трудяга-пилот способен так красиво, «вкусно» рассказывать! Пожалуй, ему стоило начать писать книжки...

— В просветах между этими, с позволения сказать, «деревьями» то и дело что-то вспыхивало, повсюду мелькали нестерпимо яркие зеленые молнии, летели во все стороны большие, жемчужно поблескивающие шары, разлетаясь потом мириадами сверкающих брызг, — продолжил Маркин. — И чувствовалось: каждая диковина не сама по себе, все вместе они составляют единый грандиозный процесс. Это надо было видеть!

Маркин вновь замолчал. Я поразился выражению его лица. Теперь он напоминал юнгу-стажера, впервые открывшего для себя краски живой Вселенной. Сейчас — честное слово! — даже комбинезон этот мальчишеский смотрелся на нем естественно.

— А дальше? — вырвалось у меня.

— Дальше произошло то, чего следовало ожидать. Ко мне обратился хозяин этого мира. Впрочем, «хозяин» — не то слово. Просто-напросто все, что меня окружало, — это и был он, Инт. Уже и не помню, почему я стал называть его так. Наверно, просто сократил слово «интеллект» — чем-чем, а этим он не был обделен!

Как мы общались? Позже Инт объяснил, что он «настроил» мой мозг на восприятие его «речи» — слабых колебаний гравитационного поля. Ну а мне, чтобы дать ответ, достаточно было мысленно сформулировать его.

Как ни странно, первые же вопросы Инта были философского плана. Представь, что тебя ни с того, ни с сего спрашивают: «В чем смысл твоего существования?»

Не помню дословно, что я ответил. Но Инт принялся пытаться меня дальше. Какие свойства материи я считаю основными, а какие второстепенными? В чем разница между живым и неживым?

Я не уклонился ни от одного ответа, хотя порой чувствовал себя полным идиотом. А потом поинтересовался, зачем Инту нужно мое скромное мнение. Оказалось, это был своеобразный тест. Ему понадобилось выяснить характер моего, а по большому счету — человеческого мышления. И ты знаешь, он остался доволен результатом, на-

шел, что мозг землян способен решать довольно сложные задачи. А мне-то казалось, что я беспомощно карабкаюсь в паутине слов, не в силах внятно выразить свои мысли!

Я, признаться, слегка поплыл от похвалы. Вот тут-то Инт и спустил меня с небес на землю. Мол, рано радуешься! Мозги у тебя есть, отрицать не могу, да только используешь ты их на какие-то жалкие проценты. Вся остальная начинка черепа — фактически мертвый груз!

В общем, Инт решил как следует поработать с моим мозгом, пробудить «спящие» участки, чтобы раскрутить его на все сто процентов! Но, будучи существом цивилизованным, не мог сделать это без моего согласия.

Каждый из нас хоть раз в жизни мечтал стать сверхчеловеком, а тут суперменство подают на блюдечке! Кто откажется? Но опыт подсказывал, что нигде ничего не дают просто так. Короче, я заявил, что дам ответ лишь после того, как ознакомлюсь с планами Инта.

И тогда мне открылась шокирующая истина. Инт появился на планете около двух миллионов лет назад. Его сотворили, вырастили в особой среде предыдущие хозяева Линды. Да, когда-то там жили разумные существа, даже чем-то напоминающие людей. Они создали мощную техническую цивилизацию, но, увы, сами же ее и погубили каким-то глобальным физическим экспериментом, который вышел из-под контроля... Все белковые организмы погибли. А вот полусущество-полумашина уцелела! Хотя, разумеется, и Инту досталось. Особенно пострадали ячейки памяти. Инт забыл свое предназначение, можно сказать, одичал и, предоставленный самому себе, прошел длительную эволюцию.

За миллионы лет он достиг небывалого могущества. Сначала создал на Линде новую, более подходящую ему атмосферу. Затем занялся вопросами галактического масштаба. В принципе, Инт мог бы свободно путешествовать среди звезд. Но он не хотел. Не трогаясь с места, он разгадывал природу квазаров, «черных» и «белых дыр», множества других удивительных объектов. Голова идет кругом, как подумаешь, чему бы мы могли научиться у этого затворника!

Итак, Инт жил и развивался, познавая законы мироздания и размышляя о сути вещей. Работая над ко-

лоссальным трудом — Всеобщей теорией развития Вселенной, он не замечал бега времени.

И вдруг однажды Инт понял: что-то в его исполинском организме разладилось. Аномалии все нарастали, и, чтобы понять их природу, Инт произвел сложные вычисления. Результат ошеломил: жить ему осталось не больше тысячи лет! Срок огромный, по человеческим меркам, но ничтожный для существа с семизначным возрастом. Конечно, завершить грандиозную теорию за столь малый отрезок времени нечего было и думать.

В конце концов Инт пришел к выводу: его смерть была предопределена его создателями. Возможно, творцы боялись, что он рано или поздно выйдет из-под контроля, и поставили ограничитель. Устройство продолжало незаметно «тикать», и в один прекрасный момент «прозвенел звонок».

Прежние хозяева планеты ввели в программу Инта ряд ограничений, которые не позволяли ему полностью познать самого себя. Парадокс! Мыслителю, проникшему в секреты мироздания, оказалось не под силу сломать рамки, установленные творцами! Вот тогда-то Инт понял: помочь ему может только разумное существо, свободное от вмешательства чужой воли. А тут как раз на планету занесло меня...

Маркин помолчал, затем продолжил рассказ.

— Итак, Инт хотел, чтобы я придумал, как испортить «выключатель». Хороша задачка, если даже премудрый Инт не сумел ее решить! Теперь понимаешь, почему мой мозг требовалось загрузить на сто процентов, пробудить способности, о которых я и не подозревал? Выяснилось, что кое-какие из неработающих связей Инт уже задействовал, когда обучал меня своему языку. Теперь он просил моего согласия довести эту перестройку до конца.

Наступила напряженная, пульсирующая тишина.

— Так, значит, вы сейчас?.. — Я не осмеливался продолжить фразу. Мысль о том, что мой собеседник, возможно, уже не совсем человек, была чудовищной, и я попытался подавить ее, загнать на самое дно сознания. Пусть Маркин скажет «нет»! Только одно слово — «нет»!

— Да, — сказал он.

Окончание следует.

ЭСТАФЕТА

*Фантастический рассказ.
Окончание*

Маркин вгляделся в пространство перед собой, и в воздухе вдруг обозначились контуры чего-то большого, шарообразного. Маркин вылепил из ничего прозрачный сосуд с переливающимися, как у мыльного пузыря, стенками, после чего движением мизинца уничтожил его. Затем он резко взмахнул рукой, и в воздухе, повторяя траекторию его ладони, вспыхнул алый след.

Лицо Маркина виновато сморщилось.

— Сам не знаю, как это у меня выходит. Наверно, побочное следствие преобразования мозга. Изменилась энергетика организма... Но слушай, что со мной было дальше. Конечно, согласие я дал. И тогда... Это было нечто неопишваемое! Мое «я» раздвоилось, растроилось, многократно умножилось, и все новые сущности стали осмысливать мир одновременно с различных сторон. Я проник, казалось, во все первоэлементы материи, научился складывать кирпичики мироздания, а потому и проблема Инта показалась мне чрезвычайно простой. Возраст хозяина Линды, структура составляющих его ячеек, магнитное поле планеты, даже кривизна пространства в этой области галактики — факты и фактики укладывались в стройную логическую последовательность. До разгадки, казалось, рукой подать — и вдруг я словно уперся в стену! Данных было предостаточно, но проблема по-прежнему не решалась ни в какую...

Последовала пауза.

— Я пробыл на Линде почти сутки — пожалуй, самые насыщенные в моей жизни. Беседуя с Интом, погружался в глубины микромира и вычислял силы, движущие галактиками, решал вопросы, которыми человечество еще никогда не задавалось! Конечно, ему незнакомо понятие «дружба» — он признавал во мне лишь коллегу в решении определенных задач. Но, честное слово, прощаясь,

The
Or
Smack

я испытывал к Инту самую настоящую симпатию. И, разумеется, пообещал передать его призыв о помощи команде корабля. Ясно было, что, если даже всего несколько человек согласятся перестроить свой мозг, шансы Инта получить долгожданный ответ многократно возрастут.

— Ну и?.. — не вытерпел я.

Маркин сцепил пальцы и хрустнул ими.

— Понимаешь... В идеале все выглядело прекрасно. Но я как-то упустил из виду, что любое человеческое общество, даже такое крошечное, как экипаж корабля, подчиняется своим законам и правилам. И один из этих законов, едва ли не самый древний и неистребимый, — закон отторжения чужаков. Мне, «перестроенному», подобные атавизмы казались вздором. Но я ошибался.

Чтобы стать как все, мне пришлось долго тренироваться. А тогда... В общем, стоило мне выйти из стыковочного шлюза, как сработал один из этих побочных эффектов. Помнится, я внезапно полыхнул чем-то оранжевым. Помню лица ребят. Эти лица с выражением ужаса мне не забыть никогда. Я пробовал что-то объяснить. Бесполезно. Меня уже не считали своим. Ребята попятились, затем молча расступились, освобождая середину коридора.

Я вылез из скафандра и направился в каюту, чувствуя, как по спине скользят взгляды, и в каждом — не произнесенное вслух: «Чужой... чужой... чужой...»

Корабельный врач мучил меня несколько суток. Выявил и описал массу загадочных эффектов. Затем, перейдя к изучению психики, предложил целую кучу тестов. Наконец он заявил, что образ моего мышления совершенно сбивает его с толку. Мог бы выразиться проще — что я потенциально опасен...

Это напоминало приговор. Ребята со мной еще общались, но между нами стремительно росла стена отчуждения.

Маркин слез с генератора и стал прохаживаться по рубке.

— Между тем, — продолжал он, — капитан послал на Линду несколько роботов — одного за другим. Все они по возвращении несли какую-то чушь. Уж не знаю, что за эксперименты проводил с ними Инт, только этим он навредил самому себе — кэп окончательно уверился

в том, что планета враждебна людям. В общем, не стоит удивляться, что впоследствии Линду закрыли.

На Земле меня сразу же передали в руки врачей. Они дружно набросились на добычу, проделали массу опытов, извели меня бесчисленными тестами, словно непременно решили доказать, что Освальд Маркин — шпион злобных галактических чудовищ. Я долго терпел эти дурацкие процедуры, но в конце концов взбунтовался. И меня все-таки отпустили, хотя с большой неохотой. Еще бы — феномен, на изучении которого можно сделать себе имя!

Что ж, первую победу я одержал, оставалось вернуть утраченное место в жизни. Я хотел летать. Но... Представляешь — десять лет хождения по инстанциям! Десять лет среди бюрократов, боящихся чихнуть не по инструкции! На любое мое обращение ответ был один: продолжай обследование, твоя дальнейшая судьба зависит от его результатов. В общем, я смертельно устал от этих попыток прошибить стену. Только одно меня и спасало.

— Вы пытались решить проблему Инта? — догадался я.

— Да! Все эти десять лет я ломал голову над тем, почему мой необычный знакомый обязательно должен погибнуть. Знал, что свидеться с Интом не придется, но занимался этим... из спортивного интереса, что ли. Обновленный мозг жадно требовал пищи! Конечно, и в нашей повседневной жизни хватает загадок. Но мне нужна была необыкновенная, колоссальная!

— Так вы... решили?

— Почти, — Маркин стрельнул профессиональным взглядом в правый нижний угол панели управления, где светился экранчик таймера. — Скоро переход. Готовься. Тебе помочь?

Я замотал головой и, развернувшись к приборам, стал снимать показания.

— Что ж, тогда слушай дальше. Ключ к решению я увидел месяца два назад. Требовалось создать на экваторе Линды мощное энергетическое поле очень сложной структуры — такую пространственную улитку. Тогда некоторые процессы, происходящие в Инте, потекут вспять, повлияют еще кое на что — и пошло-поехало, а в конце цепочки зловещий ограничитель сломается. Весь этот механизм объяснить не могу — на обычный

язык мои выкладки не переводятся. Для этого требовалась эскадра земных кораблей и колоссальные затраты энергии извне.

На решение задачи я потратил десять лет. Сколько их понадобится, чтобы убедить кого-нибудь послать эскадру к Линде? Еще десять? Двадцать? Конечно, отступить я не собирался, уже приготовил доводы: мол, в случае успеха операции мы приобретем могучего союзника, великолепного партнера в разгадке тайн Вселенной! Хотя лично для меня подобные аргументы ничего не значили. Просто хотелось, чтобы Инт жил...

И тут оказалось, что радоваться рано. Повторно проверив свое решение, я понял, что оно не безукоризненно. Была деталь, вызывающая сомнения. В конце концов я понял: мне просто не хватило данных. Надо было во что бы то ни стало попасть на Линду и задать Инту вопрос. Всего один вопрос, от ответа на который полностью зависел успех дела. Теперь понимаешь, почему я оказался здесь, на твоей яхте? Ринус-Два — отличный трамплин: отсюда всего один переход до Линды! Вот так.

Я оторвался от приборов и взгляделся в лицо Маркина, словно ища признаки одержимости. Да, этого человека стоило запомнить! Не могу отнести себя к любителям спокойной жизни, но постоянно плыть против течения я бы не смог.

Яхта вынырнула из гиперпространства. Несколько маневров — и планета, освещенная тусклыми лучами красного солнышка, появилась на обзорном экране.

— Скачок напряженности гиперполя в момент выхода, — произнес Маркин, взглянув на приборы. — Ну да ничего, еще научишься. В первый раз ныряешь?

— В первый... — нехотя выдавил я.

— Ладно, — он не стал развивать тему, — пойду готовить посудину. Подождешь меня на орбите. Постараюсь не задерживаться.

Я представил себе, как Маркин, скорчившись в крохотной кабине спасательной капсулы, ведет свое суденышко вниз...

— Зачем вам это нужно? Сядем на яхте. Капсула же одноразовая! Вам не взлететь с планеты!

— Взлечу. У меня такое уже было. Приходилось экспериментировать.

Я пожал плечами.

— Хоть убейте, не понимаю. Какой в этом смысл?

— А вот какой, — жестко ответил Маркин. — Рано тебе туда соваться. Хватит Земле одного меня.

Его тон мне не понравился. Гордецом себя не считаю, но не выношу, когда что-то хотят решить за меня.

— Собрались меня опекать? Между прочим, этот ваш Инт перед тем, как изменить структуру мозга, спрашивает согласия!

— А я, знаешь ли, не уверен, что ты избежишь искушения. — Маркин пристально и, как мне показалось, озабоченно вглядывался в показания индикаторов.

— Это уж мое дело. — Я поднялся.

— Сидеть! — неожиданно рявкнул Маркин, рубанув ладонью воздух. — Успеешь еще дров наломать!

— Ну, знаете! — вспыхнул я. — Вы не командир яхты и не имеете права...

— Стоп! — Маркин замер. Казалось, он прислушивается, пытаясь уловить страшно далекий, почти не воспринимаемый ухом звук. — Ну-ка, парень, выйди из рубки.

Я чуть не задохнулся от возмущения.

— Это еще зачем?

— Намудрили, похоже, мы с переходом. — Он сказал «мы», хотя все операции производил я. — Нестабильность гиперполя растет, понял? На приборы не смотри, они пока молчат. — Маркин быстрыми точными движениями отсоединил лицевую панель энергоблока. — У тебя сколько чувств? Пять. А у меня не меньше десяти. Вот, наверно, десятое и сигнализирует. Выйди, ты все равно ничем не можешь помочь.

Я еще осмысливал услышанное, а Маркин уже с непостижимой скоростью переставлял узлы аппаратуры. Что-то жутковатое было в безошибочных, как у автомата, движениях пальцев. Вдруг в полуметре от его лица возникло и закрутилось на месте, непрерывно увеличиваясь в размерах, облачко оранжевых искорок. Я остолбенел. Редчайший, почти невозможный случай! Об этой чертовщине, не имеющей даже названия и появляющейся при неудачных гиперпереходах, ходили легенды.

Не знаю, сколько бы я простоял, скованный ужасом, но Маркин схватил меня за плечо и вышвырнул в коридор. Я упал на пол и метра полтора проехал на животе. Сзади раздался щелчок — автоматически закрылась дверь. Я вскочил и заколотил кулаками по упругому суперпластику.

— Откройте! Я помогу вам! Откройте!

Помощь... Какая от меня могла быть помощь? Но я ломился в дверь, за которой безумствовали кванты вырожденного пространства, словно больше всего на свете боялся остаться по эту сторону. И тут возник невыносимый, раздражающий барабанные перепонки свист. У меня в голове словно что-то переключилось. Вспомнив про экран внутреннего обзора, я бросился в каюту.

Увиденное на экране заставило меня содрогнуться. По рубке гуляли золотистые волны. Сквозь янтарные сполохи проступали очертания распотрошенных блоков. На полу, раскинув руки, неподвижно лежал Маркин...

Я до крови искусал губы, прежде чем система безопасности, зафиксировав снижение уровня излучений до нормы, открыла дверь. Дальнейшее запомнилось отрывисто. Помню, как ворвался в рубку и тут же со всего размаху ударился о какой-то прибор. Боль взорвалась в колене. Глаза застлала дрожащая багровая пелена. Помню искаженное, запрокинутое вверх лицо Маркина, мои руки, лихорадочно расстегивающие у него на груди нелепый радужный комбинезон, страшную в своей неподвижности прямую линию на экранчике кибдиагностики... А потом, угадывая путь в колеблющемся мареве, я тащил тело Маркина из рубки, и нечем было смахнуть жгучую влагу, помимо воли наполнившую глаза...

Лучшего саркофага, чем спасательная капсула, мне найти не удалось. Сколько времени я просидел возле нее, прямо на полу аварийного отсека? Три часа? Пять? Сутки? Время утратило смысл. «Меропа» описывала вокруг планеты виток за витком, а я все сидел, и мысли мои медленно и обреченно бродили по замкнутому кругу: «Как это случилось? Он погиб из-за меня... Я виноват... Как это случилось?..»

Застоявшуюся тишину нарушили скрипучие металлические звуки. Я не сразу сообразил, что это голос ре-

монтажного киберга. Автомат докладывал о полном восстановлении работоспособности яхты.

Я поднялся и направился в рубку. Там уже был относительный порядок, и только блоки управления гиперустановкой, вынутые из привычных мест и бессмысленным, на первый взгляд, образом соединенные между собой, напоминали о схватке человека с неистовством бушующей материи. В голове не укладывалось, как Маркин успел столько сделать за отведенные ему мгновения.

На обзорном экране застыла разноцветная пена, словно приклеенная к поверхности планеты. Чем дольше я всматривался в нее, тем отчетливее сознавал, что Линда замерла в ожидании. «Неужели ты бросишь меня, человек?» — словно спрашивала она, и я почти физически ощущал, как Инт, скрытый броней облаков, в порыве гаснущей надежды тянется ко мне.

«К черту! — подумал я. — Чего ты хочешь от меня? Маркин сделал для тебя все, что было в человеческих и нечеловеческих силах. И — погиб. А ты... В любом случае тебе жить еще тысячу лет после того, как меня не станет. Так чего ради я буду тратить крохи отпущенной мне жизни? Чтобы обеспечить тебя бессмертием?»

Мир, проплывающий подо мной, молча ждал, ждал...

И тут мне стало страшно. Я вдруг понял, что после всего происшедшего уже не смогу жить, как раньше. Меня грызла совесть — беспощадно, как казавшийся до поры до времени домашним маленький хищный зверек, в котором вдруг пробудилась древняя дикая кровь. Маркин не достиг цели, к которой стремился десять лет, а готов был — целую жизнь. Из-за меня не достиг... Но что я мог сделать сейчас? Принять эстафету? Заменить Маркина и, начав все с нуля, пройти его путем?

Я отключил внешний обзор, и экран погас, стал мертвым и серым. Мне представилось, что я стою у подножия гигантской, теряющейся в облаках лестницы. Еще не поздно развернуться и уйти, но если ступлю на первую ступеньку, то должен буду непременно подняться на вершину. Назад пути нет. И никто во всей беспредельной Вселенной не может решить за меня, стоит ли делать этот первый шаг...

Художник Ю. САРАФАНОВ